

Воровской холм / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 21 января, 2025

Воровской холм / рассказ ВОРОВСКОЙ ХОЛМ

(рассказ)

1.

В считанные мгновения недобрая весть облетела село и подняла на ноги всех от мала до велика. Гнев овладел сельчанами. Каждый отыскал себе увесистую палку. В селе это просто – только руку протяни! Кривые узкие улочки наполнились людьми. Все не сговариваясь шли к высокому старому тутовнику, что рос посреди села. Люди шептали проклятия и ругались. Ох, и много же нашлось крепких слов! Парень лет двадцати пяти на вид, которому они адресовались, стоял привязанным к тутовнику. Одежда на нем была изорванная и окровавленная, усы, обычно лихо подкрученные, теперь уныло повисли. Лицо разбито в кровь. Шестеро крепких мужчин оберегали его от толпы, потому что всякий норовил протолкаться вперед и ударить парня своей палкой. «Обождите, люди! Не торопитесь! – пытались образумить толпу охранники. – Дождемся аксакалов, тогда и решим, как быть!». Кое-кто унимался, но на многих эти уговоры не действовали. Они кидали издали свои палки, норовя попасть в парня, который безропотно сносил брань и побои. А что ему еще оставалось? Самое страшное, быть наказанным за несодеянное! Одиноким сын Курбана ага Сахат должен был сегодня отвечать за несодеянное. – Камнями его закидать надо! – предлагали одни. – Палками! Палками! – не соглашались с ними те, кто успел захватить с собой дубинку. – Повесить его – вот и весь разговор! На этом самом тутовнике. Пусть все видят! В это время в воротах ближнего к тутовнику дома показалось несколько стариков. Люди расступились перед аксакалами. Впереди их, негромко постукивая своей клюкой, шагал Адылла-ага. Он подошел почти вплотную к связанному.

Долго стоял, вглядываясь в его лицо. Глаза старика от гнева налились кровью, губы дрожали. Казалось, он сейчас сам, своими руками задушит парня. Но Адылла-ага сдержался. Отошел от парня, повернулся к толпе и поднял руку, призывая к вниманию. Шум стих.

– Люди, этот мерзавец растоптал нашу честь! Он – вор! Свел со двора соседа корову и зарезал ее. Было раньше воровство в нашем селе? – спросил Адылла-ага. И сам же ответил:

– Не было! Мы старались не запятнать честь нашего села. Блюли ее. А сын Курбана Сахат нас опозорил. Вора нужно наказать. А самим стараться, чтоб впредь подобного не было. Если же мы пожалеем вора, может случиться так, что кто-то еще позарится на чужое. Таково наше мнение, мнение старейших.

– Убить! Смерть ему! Весь их род уничтожить!

– В сторону вора полетели палки.

– Люди! – Адылла-ага снова поднял руку.

– Времена меняются. Нельзя нам его убить. Власть не позволяет. За убийство потом отвечать придется. Но в былые времена и другие наказания для вора имелись. Рубили руку или уши отрезали. Переселяли на окраину. Изгоняли из села. Что мы изберем? Аксакалы решили изгнать Сахада – сына Курбана из села. Тщедушный – кожа да кости – старик Курбан, умоляюще заглядывая в глаза односельчан, вышел на круг:

– Люди, родные мои, пощадите сына. Если желаете, мне голову отрубите. Убейте меня. Из села выгоните. Но сына.. Единственный сын. Если прогоните его, погаснет огонь в моем очаге. Зачем мне тогда жить на белом свете? Пощадите, люди добрые!

– Старик, как подкошенный, упал перед толпой на колени. Потом обернулся к Адылле-аге.

– Адылла, ровестник мой, пощади. Люди тебя слушают, заступись.

– И Курбану-агу вместе с сыном прогнать!

– закричали в толпе.

– Сам виноват. Держал бы сына в узде, не дожили бы мы до такого позора. Адылла-ага помог отцу вора подняться с колен.

– Курбан, сын твой останется жить – разве этого мало. Но из села пусть убирается, нет ему здесь места.

- Адылла, прошу тебя...
- Курбан, проси все, что у меня есть, отдам. Но снисхождения для вора не проси. Отрекись от него. Он и село, и тебя опозорил.
- Кто же род мой продолжит? Опустеет дом...
- Крепись, Курбан. Вор недостойн быть продолжателем твоего рода. Сахат:
- Я не хотел совершать воровство... – Сказал он.
- Что тогда ты хотел сделать?
- Корова Гараджа ага сошла с привязи...
- А что ты делал в полночь в загоне Гараджа? Сахат замолчал. Курбан ага подошёл к соседу Гараджа:
- Гараджа, что ты делаешь? До сегодняшнего дня мы жили как одна семья. У нас всё было общим. Хочешь, забери мою корову с телёнком, но не губи моего одинокого сына.
- Ох, сосед, если бы я знал, что здесь замешан Сахатджан, я бы слово не проронил бы, вед я думал, что это сделал кто-то чужой. А теперь Адылла и другие слушать меня не хотят. Гараджа ага обратился к Адылла ага:
- Адылла, послушай, мы с семьёй Курбана как родные. Я прошая вину Сахатджана. Отпусти его! – Если ты прощаешь Сахата, то мы его не прощаем – жёстко ответил. Потом подал знак охранникам, и те развязали парня. Толпа зашумела.
- Ступай, проваливай!
- И не вздумай вернуться! Враз убьем!
- Будь ты проклят!
- Век не видеть этой воровской рожи! Парень, в глазах его блестели слезы, протянул руки к толпе: – Люди, земляки, не гоните меня! Лучше руку отрубите. Как я без вас жить буду? Люди, поверьте меня, я не хотел воровать...
- Опять повторил Сахат.
- А что ты хотел сделать? – Спросили люди.
- Я не могу этого сказать, это стыдно.
- Вы слышали что сказал этот парень?
- Спросил и заискивающе улыбнулся один безбродый человек.
- Разве воровать не стыдно?
- Раньше, негодяй, надо было думать. А теперь – ступай!

Верблюжей колючкой слезы вытри!..

– Прочь с наших глаз! – Вон из села. В Саганали воров нет. Но парень стоял, как вкопанный, и слезы ручьями катились по его щекам. Один из охранников толкнул его в спину, и он, чтобы не упасть, пробежал несколько шагов. Люди шарахались от него, как от прокаженного. Сахат пристально всматривался в лица собравшихся девушек и женщин. Наконец, он увидел кого искал – свою девушку. Это была дочь Гараджа ага. Они без слов понимали друг друга. Девушка молча плакала. Два взгляда прощались друг с другом. Так, не смея поднять головы, вор покинул родное село. Но история на этом не кончилась... За селом, с западной стороны высился холм. С его вершины Саганали было как на ладони: видно каждый дом и кто чем занимается. Издавна там было любимое место игр сельских мальчишек. Весь день звенели их звонкие голоса. Они и уходили с холма лишь потому, что слышали от взрослых, будто, как стемнеет, туда прилетает джинн Хет-Хет, который крадет детей. Стать добычей Хет-Хета никому не хотелось, потому с сумерками спешили в село. Но только утром – бежали к холму. На этот раз прибежавшие первыми в нерешительности остановились у подножия холма. На вершине сидел изгнанный из села сын Курбана-аги и жадно глядел в сторону села. Мальчишек, что столплись внизу, он похоже даже не заметил. Они отошли в сторонку и стали ждать, когда вор уйдет. Но время шло, а он и не думал покидать холм. На следующий день ничего не изменилось. Вор сидел на холме и словно зачарованный смотрел в сторону близкого, но недоступного для него села. Тут кто-то из мальчишек сочинил, что это джинн Хет-Хет принял облик вора, и все гурьбой кинулись в село, чтобы сообщить саганалинцам последнюю новость. Когда люди приблизились к холму, вор даже не посмотрел на них. Взгляд его был устремлен вдаль.

– Эй! – крикнул снизу Адылла-ага.

– Тебе того, что натворил, мало? Ты свою долю сам выбрал. Теперь будь мужчиной – уходи! Перестань детей пугать. Осунувшийся, с почерневшим лицом стоял среди односельчан покоровшийся своей судьбе Курбан-ага. Губы его двигались, он просил, чтобы Аллах дал сыну мужества, того, чего не дал ему

самому. Потом, как бы прощаясь с сыном, невысоко поднял руку. Но сын не заметил этого. Вор встал. Взмахнул руками. Хотел что-то сказать. Но язык не подчинился ему. Раздосадованный этим он резко повернулся, а через миг холм скрыл его от взглядов односельчан. Был полдень, когда по узкой сельской улочке, волоча за собой длинный шлейф пыли, прогрохотала полуторка. Грузовик остановился возле старого тутовника. Из кабины вылез крупный мужчина с пышными черными, как смоль, усами, в черной кожанке, с кожаной и тоже черной фуражкой на голове. Он потянулся, разминая затекшее в кабине тело, и обвел сельскую улицу равнодушным взглядом. Потом подозвал мальчишек, которые сопровождали машину с тех самых пор, как она въехала в село.

– Ступайте по домам и зовите всех, кто может ходить. Скажите, собрание будет, начальство из района приехало. А еще скажите, что тем, кто не придет, худо будет. Быстро! Марш! После этого усатый направился в тень. А из кузова грузовика по его знаку вылезли два милиционера и вор – сын Курбана-аги. Они тоже пошли в тень тутовника, но усатый держался от них поодаль. Он неторопливо прогуливался, уперев руки в бока. Стали сходитьсь извещенные мальчишками саганалинцы. Усатый делал вид, что не замечает подошедших. Только когда люди запрудили все вокруг и из толпы послышались голоса «В чем дело?», «Что за новость привез?», человек в черной кожанке окинул толпу холодным колючим взглядом, подошел к грузовику и, опершись сапогом о колесо, без особых усилий, привычно поднял в кузов свое грузное тело.

– Товарищи! – Он еще раз обвел толпу взглядом. – Что у вас здесь творится? Что за законы вы себе придумали. Советской власти не признаете? – Уважаемый, прежде чем начинать разговор, выбрось камень, что за пазухой держишь, – сказал, обращаясь к человеку в кожанке, один из аксакалов.

– Нет у меня никакого камня! – разозлился черноусый.

– Тоже мне камень-шмамень. Вы со мной игры тут не играйте – все равно проиграете!

– А раньше говорили, что один против многих не игрок, – заметил кто-то.

– Ошибаетесь, дорогой товарищ. Как игра закончится, зависит от того, кто с кем играет. Вы, спрашивается, почему прогнали из села своего односельчанина, советского гражданина, имеющие равные с вами права? Кто вам позволил? Хотите старые порядки возродить?! Не допустим этого! Учтите, за такие дела в Сибири глаза открывают. Ропот прокатился по толпе саганалинцев. Вперед выступил старик с длинной белоснежной бородой и негромко заговорил:

– Те, кому прежде в Сибири глаза открывали, были такие же люди, как мы, не хуже и не лучше. Так что ты Сибирью нас не пугай, а прямо говори зачем приехал.

– Я тоже длинных речей не люблю, товарищи! Хотите, прямо – слушайте. Я представитель района. Приехал предупредить вас о том, что самовольство еще никого до добра не доводило. Пережиткам прошлого нет места в нашей новой жизни. Все советские граждане должны жить дружно, как единокровные братья. А если среди нас появился враг, который против нашего единства, так мы, товарищи, этого врага народа быстренько прихлопнем. Вот! – начальник указал на вора, который теперь тоже был в кузове грузовика, и рядом с милиционерами стоял сбоку от усатого.

– Ваш земляк, молодой симпатичный парень, а шатается по району, как какой-то бездомный бродяга, ночует где попало... В нашем государстве бездомных нет. Каждый должен жить в своем доме. Нет у вас, товарищи, права прогонять человека из его родного дома, из его родного села. Понятно? А если он чем провинился перед вами, сообщите правоохранительным органам, и там определят справедливую меру наказания. Адылла-ага, которому надоело слушать грозные речи представителя района, громко кашлянул.

– В чем дело, аксакал? Выступить хотите?

– Тебе хочу кое-что сказать, парень!

– Пожалуйста, выступайте, товарищ, только сначала назовите имя, фамилию...

– Адылла сын Сейдали.

– Понятно, Адылла Сейдалиев.

– Усатый достал из нагрудного кармана своей кожанки карандаш и

записную книжку, сделал какую-то пометку.

– Товарищи, слово представляется Адылле Сейдалиеву. Говорите, товарищ.

– Я вот о чем хочу сказать. Село у нас дружное, живем как у одного очага. Люди спокойные, мирные, прежде, чем что-то решить, советуемся. Как говорится, семь раз измерим – один раз отрежем. Так вот, решили мы всем селом, что парню, которого вы защищаете, среди нас не место.

– Что это за разговор, товарищ Сейдалиев! Решили всем селом... Кто вам такие полномочия дал?! Чтобы выносить решения, надо иметь на это право, понятно! Если каждое село свои решения принимать станет, знаете, что у нас будет? Настоящая анархия! Вы, товарищ Сейдалиев, анархист. И за это будете отвечать. Обязательно!

– Что это, спрашивается, за село, если люди в нем не могут прийти к одному мнению, не могут сами решить, кого им уважать и любить, а кого – проклинать? Представитель района от возмущения побагровел.

– Товарищ Сейдалиев, – сказал он, заглянув в свою книжицу, – вы толкаете людей на неверный путь! Круговую поруку возродить хотите?! Не допустим этого! В чем вы обвиняете Курбанова? Я говорил с ним. Сахат никакой вины за собой не знает. Если это не так, скажите! Ну?! Все молчали.

– Курбанов, вылезь из кузова! – приказал усатый.

– Если кто вздумает тебя притеснять, приходи прямо ко мне. А уж я поговорю с ним с глазу на глаз. Ну, что тарацишься, слазь! Сахат дрожа всем телом от страха, испугано поглядывая то на односельчан, то на грозного начальника в черной кожанке, вылез из кузова. Представитель района еще немного попугал напоследок, сказал, что не потерпит самоуправства, а потом грузовик, обдав напоследок саганалинцев вонючей бензиновой гарью, укатил в райцентр. Вор остался в окружении саганалинцев. Он обвел земляков умоляющим взглядом, точно спрашивал совета, как ему быть. Один лишь гнев прочитал он на их лицах. Глаза его наполнились слезами и, чтоб не разрыдаться перед людьми, он, прихрамывая, пошел прочь по дороге, над которой еще не осела пыль от грузовика. Отец протянул в след

ему дрожащие слабые руки. Но они не могли ни достать, ни удержать сына, который торопливо удалялся от людей. А в конце недели, под вечер, в село снова прикатил грузовик. Правда, на этот раз без черноусого. Машина остановилась рядом с домом Адыллы-аги. Милиционеры забрали хозяина и увезли его с собой. Когда это известие разнеслось по селу, все снова собрались у старого тутовника. Было решено утром всем селом идти в райцентр и любой ценой вызволить Адыллу-агу. Но утром в село ворвалась злая весть: – Война! Год спустя пришло в Саганали известие, что Адыллы Сейдалиева нет больше среди живых. Одни говорили, что он умер в тюрьме, другие – что геройски погиб на фронте, но, как бы там ни было, все село оделось по нему в траур. А вор в селе больше не показывался. Никто о нем ничего не знает, да и не хочет знать. Исчез. Канул в неизвестности. Только холм, что защищает Саганали от знойных ветров из пустыни, тот самый, куда ночами прилетает джинн Хет-Хет, с тех пор называют Воровским. Вот так, и носит на себе чужую вину. Тяжкая это ноша. Только холму ее и выдержать...

2.

Метель обрушилась на Саганали и подчистую подмела его улицы. Кто был там – всех в дома загнала. Больше других из-за непогоды пострадали мальчишки, которые в обычные дни с утра до вечера пропадали на Воровском холме. Метель оказалась посильней родительских запретов и подза-тыльников! Буря бушевала уже второй день, и бесцельное сидение перед заиндевевшими стеклами да созерцание снежных вихрей за окном утомило мальчишек хуже любой работы. Ву-у-у!.. Ву-у-у!.. В вое ветра им слышался строгий наказ не высовывать нос на улицу. Зато взрослые словно ждали такой погоды. Они рады не покидать теплые дома. Попивают себе зеленый чаек и ведут неторопливые беседы. Проселок, что пересекает Саганали, – обычно это самая оживленная улица села – и тот остался один на один с метелью. Впрочем, нет. Здесь и теперь не было безлюдно. Посреди дороги, будто не замечая вьюги, стоял какой-то старик с котомкой за спиной. Он нерешительно озирался по сторонам, словно решал,

как ему быть. Похоже, что пришел странник издалека, – одежда его покрылась толстым слоем снега. Старик внимательно всматривался в силуэты домов, как будто надеялся увидеть что-то знакомое. Может, он и бывал в Саганали прежде, да только из-за метели никак не найдет дом, в котором некогда гостил? Да и как узнать в такой снегопад! По всему видно, что старик сильно устал. Замерзшие и обветренные щеки стали багровыми, как кожура граната. Руки дрожат. Ему бы поскорей попасть в нужный дом, чтобы отдохнуть там и согреться. Да только никто не спешит встретить странника. Он долго стоял перед одним домом, но войти туда не решился. Подошел к другому, понаблюдал за ним. Потом поднялся на крыльцо, но не постучал в дверь, а по-старинному несколько раз кашлянул. Его услышали. Дверь осторожно приоткрылась, и из дома вышла полная женщина средних лет. Она пробуровила старика пристальным взглядом, надеясь понять, кто это такой.

– Как поживаете, хозяйка? Домашние живы, здоровы ли?.. В ответ хозяйка едва шевельнула губами:

– Слава Аллаху...

– Приезжий я, дочка. Издалека прибыл. Когда в путь отправлялся, солнышко сияло, а потом – вот... Старуха упрашивала не ездить никуда зимой. Говорит, весной вместе отправимся. Не послушался ее. Пошутил, кто знает доживем ли до весны. Силы-то уже на исходе, так что надо поторопиться... – Кого вы ищите, яшули? – нетерпеливо перебила женщина, уставшая слушать старика.

– Я?.. Да, вообще-то, никого, дочка...

– Ну, раз приехали сюда издалека, значит в гости к кому-то?

– Понимаю твое удивление, дочка. Конечно, странно. Но только, когда уходил из дому, ни у кого здесь гостить не думал. Хотелось просто взглянуть на Саганали. А теперь-то – вот какая штука! – Саганали и не Саганали вовсе, а «Новая жизнь» – «Тазе дурмуш». Многие и не знают, что прежде это Саганали было. А то что жизнь здесь новая – верно. Все переменялось. Я, честно сказать, ничего здесь узнать не могу. Все уже после войны построено. Я, дочка, хотел взглянуть, и в тот же день обратно. Да видишь, как получилось. А в райцентре в гостинице тоже

свободных мест нет. Вот я и решил: поеду в село и у кого-нибудь переночую. На последнем автобусе сюда приехал. А утром я первым рейсом...

– Кого вы здесь знаете? Давайте провожу...

– Кого я тут знаю? – Старик растерянно развел руками.

– Никого теперь не знаю. Вот пришел к вам, может, приютите на ночь.

– Что? – Хозяйка удивленно выпучила глаза.

– Ну, в гости... в гости пригласите! – сказал старик погромче, вероятно полагая, что его собеседница туговата на ухо.

– В гости? Старик не решился еще раз повторить свою просьбу. Он стоял в надежде, что хозяйка сейчас пригласит его в дом. Но вместе этого полные ее губы недовольно скривились, и она процедила:

– В гости? С чего бы это?

– Да мне только переночевать! Мне-то и постели не надо. Кожух, он и туфяк, и одеяло за раз, а тельпек – вместо подушки... Женщина между тем совсем разволновалась.

– А почему вы сюда пришли? – допытывалась она. – Домов-то на улице во-он сколько! А вы – к нам. Что, наш дом – особенный?!

– Да вот, приглянулся.

– Как же я вас приму?

– Хозяйка задумалась.

– Муж пьяный. Он с меня потом семь шкур спустит...

– А ты разбуди его. Я сам с ним поговорю.

– Я ж человеческим языком объясняю, дед. Пьяный он вдрызг. считай, что, как труп, сейчас. Часов через пять только проспится. Неудача сильно подействовала на путника. Хозяйка уже захлопнула дверь и прогремела засовом, а он все еще стоял, собираясь духом перед тем, как идти проситься в другой дом. «Тише ты! – донеслось до него из-за двери. Старик узнал голос хозяйки.

– Я же ему сказала, что ты спишь, мол, пьяный. Я и так боялась, что ты из дома выйдешь некстати. Пусть, где угодно, ночует! Сумасшедший какой-то! А может, нищий. Или вор!..» Старика точно кипятком окатили. Он торопливо спустился с крыльца и вышел на улицу. Метель свирепствовала вовсю. Даже

теплая шуба из овчины не спасала от ледяного пронизывающего ветра. Холод пробирал до костей. Еще немного, казалось старику, и он превратится в ледышку. «Только бы до тепла добраться, а там и помереть можно!» – прошептал он синими от холода губами. Старик постоял у соседнего дома, двухэтажного, с гаражом. Но проситься в него не решился. Наверняка здесь живет человек состоятельный, а что за интерес богачу принимать гостем бесполезного незнакомца. Он перешел на другую сторону улицы и вошел во двор за зелеными воротами. Поднявшись на крыльцо по обыкновению своему кашлянул. Дверь открыл подросток лет пятнадцати. Увидев пожилого незнакомца, он кликнул отца. Тому было уже за пятьдесят. Выйдя, он почтительно пожал руку старику.

– Ищите кого-то, яшули? – осведомился он.

– Никого я не ищу, мил-человек. Ты не подумай только, что я попрошайка или – не дай Бог! – вор. А то зашел в один дом тут по соседству, так меня дальше порога не пустили. Нет, я не нищий, и не бродяга... Если не веришь – на, посмотри. – Старик торопливо сунул руку за пазуху. Достал паспорт и протянул его хозяину дома. Тот неохотно взял красную книжку, медленно перелистал страницы.

– Издалека приехали.

– Да, судьба далеко забросила, – кивнул старик.

– Так уж случилось. Вот и решил перед смертью взглянуть на Саганали.

– Так вы что, родом отсюда?! Действительно, место рождения – село Саганали! Сахат Курбанов, – прочитал он вслух и, вглядываясь в лицо старика, произнес.

– Знакомое имя. Слышал вроде что-то про вас, но что, сейчас не припомню.

– Э-э, брат, ты меня не узнаешь. Я здесь не долго жил. Ты сам-то чей будешь? Лицо уж больно знакомое...

– Отца, может, моего знали. Адылла его звали. Посадили из-за одного мерзавца в тюрьму, а оттуда он уже не вернулся.

– Да, верно, верно... – прошептал старик, неожиданно побледнев.

– Может, знали его, яшули?

– Адыллу-агу что ли? Нет, нет. Почти не знал...

– Старик решительно забрал свой паспорт, сунул его в карман, кивнул на прощанье, осторожно спустился по обледенелым скользким ступеням и на замерзших негнущихся ногах засеменял к воротам..

– Куда же вы, яшули, в такую стужу? Оставайтесь! Погостите у нас, поговорим, былые деньки вспомним, – закричал вслед ему хозяин, но старик даже не оглянулся, видно, не услышал его за воем метели. И в третьем дворе странника ждала неудача. Приятный обходительный мужчина, выслушав его объяснения, извиняющимся голосом произнес:

– Вот ведь незадача какая!.. Вы уж не обижайтесь, яшули, пожалуйста. Сегодня, как назло, в гости пригласили. И не пойти никак нельзя. А то бы обязательно вас приютили. Я всегда рад гостям. Жаль, но придется вам к кому-нибудь другому пойти. Да, не волнуйтесь, вам в любом доме рады будут. А как же: пожилой человек, много повидавший... Извинившись за причиненное беспокойство, старик пошел к соседнему дому. Вслед ему точно пушка бабахнула – это хлопнула входная дверь. В соседнем доме дверь старику открыли почти сразу. Навстречу вышел богатырского сложения мужчина.

– Как поживаете?.. Все ли благополучно, брат мой? Домашние живы, здоровы ли?.. Пусть всегда здесь будет... – Старик попытался – будь, что будет! – войти в дом, но хозяин стоял перед ним точно могучая крепостная стена.

– Вам что надо, яшули?

– Совсем замерз я, сынок. Пусти в дом погреться. Потом все расскажу. Хозяин даже глазом не моргнул.

– Что-то не признаю я вас, яшули? Видно вы домом ошиблись. Кого ищите?

– Сынок, – взмолился старик, – пусти переночевать. До утра. Я заплачу. Пять рублей. Нет, десять!.. – торопливо поправился он.

– Пиалушку чая нальешь – скажу спасибо, а нет – так тоже не обижусь. Мне бы согреться и поспать. А если сомневаешься, думаешь, что я вор какой, то паспорт в залог дам. – Старик сунул руку в карман, но, хоть и предлагал отдать паспорт в залог, доставать документ не стал. Богатырь несколько

мгновений разглядывал пришельца, потом попросил немного обождать, и скрылся в доме, притворив за собой дверь. Старик облегченно вздохнул. Потом прислушался. Из-за двери слышался раздраженный, с металлическими нотками голос женщины, упрекавшей в чем-то мужа. Беспреданное женское ворчание не было для старика в диковинку – за долгую жизнь он привык к нему в собственном доме. Удивило его, пожалуй, другое: с чего бы женщине упрекать такого богатыря? Прошло пять минут. Десять. Старик напомнил о себе покашливанием. Спорящие голоса стихли. Затем погас свет. Старик подождал еще немного, потом пошел прочь. В следующем доме дверь распахнулась еще до того, как странник дал знать о себе.

– Не пустите ли переночевать, хозяйева? Я заплачу. Молодой смазливый мужчина, льстиво улыбась, покачал головой.

– Извините, яшули, но у меня сегодня, так сказать, неподходящая обстановочка. Но я вам точный адресок дам. Уж там вас наверняка примут, не сомневайтесь! Во-он, – хозяин указал на соседний дом, – видите белые двери?! Смело ступайте. Там таких гостей, как вы, так сказать, ждут-не дождутся. Принимают с удовольствием. Но уж вы, яшули, не оплошайте... Из-за белых дверей вышла дородная женщина средних лет. Не удостоив старика приветствием, она окинула его оценивающим взглядом, и недовольно поджала губу.

– Хозяюшка, не приютишь ли меня на одну ночь? Я заплачу. Десять рублей дам.

– Я тебе покажу – »десять рублей«! – взорвалась хозяйка.

– Издеваешься?! Посмеяться, старый хрыч, захотелось?! Да это твои мощи даже десятки не стоят! Женщина ушла, хлопнув дверь, а с соседского крыльца донесся скрипучий смешок. До конца улицы было еще далеко, но сердце подсказывало старику, что ни в одном доме его сегодня не примут. Однако он решил предпринять еще одну попытку. Хотя только начало смеркаться, вдоль улицы уже горели фонари. Старик миновал несколько домов, возле высокого особняка остановился, но только открыл калитку, как его настиг грозный старушечий оклик:

– Ты чего здесь шастаешь?!

– Хотел на ночлег... – извиняющимся тоном начал старик, но

старуха не дала ему даже договорить.

– На ночлег!.. Ишь ты! Знаешь, что люди в такую погоду по домам сидят, вот и рышешь, где что плохо лежит. Седины бы своей постыдился!

– Я не вор.

– Иди, иди отсюда! Не вор, говоришь?! Людей не обманешь!

Эти слова заставили старика покраснеть. Губы его задрожали, как у ребенка, что собирается заплакать. И видимо опасаясь, как бы старуха не сказала ему чего похлеще, он поспешил прочь. Он дошел до одиноко стоящего тутовника и сел на землю, прислонившись спиной к стволу старого дерева. Тело ныло от усталости. Просто сидеть – и то было удовольствием. Ему казалось, что мороз ослаб, а может он просто притерпелся к нему. Старик сидел, закрыв глаза. В ушах у него звенел противный голос старухи: «Не вор, говоришь?! Людей не обманешь!». Неужели узнала? Не иначе, подумал он. Старик вздохнул. Надо же, столько лет прошло, а односельчане, выходит, его до сих пор не простили... Много лет назад, еще до войны, земляки изгнали его из Саганали. И вот, чуть ли не полвека спустя, он вернулся, чтобы взглянуть перед смертью на родные места. Села теперь не узнать! Все здесь изменилось. И люди тоже... Он открыл глаза. С трудом встал на ноги. Провел ладонью по корявой коре тутовника, того самого, привязанным к которому он стоял перед земляками много лет назад. «Пожалуй, только это дерево осталось, каким было», – подумалось ему. Еще четыре двора отделяло его от конца улицы. С трудом переставляя ноги, он поплелся к ближнему дому с надеждой, что там живут люди молодые, которым о нем ничего не известно.

* * *

Милицейский газик и автобус «Скорой помощи», что прибыли из райцентра, остановились у подножия Воровского холма. Там же уже успел собраться чуть ли не весь колхоз «Тазе дурмуш». Приехавшие осмотрели труп неизвестного, который обнаружили утром мальчишки. Милиционеры делали снимки, что-то измеряли рулеткой. Высокий плечистый парень в черной кожаной куртке,

видимо, следователь, приблизился к толпе любопытных.

– Кто-нибудь знает этого человека? – спросил он, разглядывая паспорт, что нашли в кармане у покойника.

– Сахат Курбанов. Здесь родился. Родственники тут есть? – Все молчали.

– Что же, своего земляка не знаете?

– Нет, он не здешний, – уверенно ответил мужчина богатырского телосложения.

– Своих мы всех знаем.

– Приезжий он!

– Парень с открытым приветливым лицом протолкался поближе к следователю.

– Приходил ко мне вчера, просил пустить переночевать. А мы как раз в гости идти собирались. Я ему говорю: «Яшули, идите с нами». Но он наотрез отказался. И дома один оставаться не захотел. Ладно, говорит, ступайте с Богом, где-нибудь в другом месте переночую. Кто мог подумать! – заключил он со скорбным выражением на лице.

– И к нам он, бедняга, приходил, – сообщила полная бойкая женщина.

– Честно сказать, я его сперва за вора приняла. Думаю, чего это пожилой человек, старик даже, придет в чужой дом пиалушку чая просить. Он мне так и сказал: «Налей-ка, хозяйшка, чаю горячего пиалушку». Мне что, чая жалко. Я как раз плов готовила. Поужинал он с нами. Предлагали ему остаться переночевать, а он говорит, нет, для ночлега у меня сегодня другое место намечено. Шутник такой был. С детьми сидел, истории им разные рассказывал – мы так смеялись, до слез прямо!.. – и она, кусая губы, смахнула набежавшую на глаза слезу.

– Неужели этот бедняга на вора похож? – следователь с укоризной покачал головой.

– Туркмены всегда госте-приимством своим славились, а вы на одну ночь не могли старика приютить.

– Тоже мне гостеприимный выискался! – накинулась на него толстуха.

– Сам бы ты его приютил? Небось быстро бы в милицию сдал! Вы и

честным людям не верите. А языком все болтать могут! Следователь понял, что переговорить толстуху ему не удастся, и отошел к своим коллегам, стал их торопить. – Вот, что странно, – сказал сын Адылла-аги, – глаза-то у старика закрытыми были. А говорят, если уходит человек из жизни с неисполненными желаниями, то глаза у него открытыми остаются. Такой смертью бедняга умер, а, получается, цели своей достиг.

– Какая уж тут цель, – возразил ему один из земляков.

– Холодно, вот сон его и сморил. Так и замерз во сне...

– В последний раз спрашиваю, кто-нибудь старика знает? – крикнул следователь. – Родственники есть? А то тело сейчас увезем... Никто из саганалинцев не отозвался. Знакомых, а тем более родственников у несчастного старика в «Тазе дурмуш» не было. Так никем и не признанный труп погрузили в автобус «Скорой помощи», и машины укатили по шоссе, что вело в райцентр. Саганалинцы долго смотрели им вслед. Почему-то всем казалось, что на этих машинах увозят из села что-то очень ценное, можно даже сказать – святое, хотя на самом деле милиция и медики забрали с собой всего лишь мертвое тело. Труп старика, который умолял саганалинцев приютить его, но всюду получил отказ...

1989.

Осман ОДЕ. Некаýalar